

Эти слова, полные скрытого смысла, на мгновение перехватили дыхание Шэнь Аня, но острая боль в правой руке не дала ему сосредоточиться.

Это было невыносимо больно!

Мало того, что боль, так еще и онемение, словно от тысяч крошечных укусов, начало расползаться от пальцев по всему предплечью. Эта мелкая, вьедливая пытка была выше его сил.

Омега, которого с детства баловали и берегли, никогда не испытывал ничего подобного. Крупные слезы покатались из его глаз, отчего кончик носа мгновенно покраснел.

Его крошечное, с ладонь лицо, покрытое испариной, выглядело настолько жалким, что невольно вызывало сочувствие.

Плач Шэнь Аня заставил всю семью встревожиться, и в гостиной воцарился переполох.

Слуги поспешили принести медицинский сканер и лед для компресса, а дворецкий, чье сердце разрывалось от жалости, так разволновался, что с него самого сошел холодный пот.

Однако Мать Шэнь, как ни осматривала нежную руку сына, не нашла на ней даже покраснения, не говоря уже о каких-либо ранах.

— Что ты сделал с Сяо Анем? — нахмурившись, спросила она, глядя на Шэнь Яня.

— Я всего лишь пожал брату руку, разве вы не видели? — на изящном лице Шэнь Яня отразилось искреннее недоумение. — Или, если хотите, можете просмотреть запись, уверен, она докажет мою невиновность.

Сказав это, он, не дожидаясь приглашения, бесцеремонно опустился на диван.

И тут в горле у Шэнь Яня внезапно запершило.

Он нахмурился, тихонько кашлянул в кулак и, взглянув на кончики пальцев, без всякого удивления обнаружил на них ярко-алые следы.

За эти два дня он уже привык к тому, что кровь то и дело подступает к горлу. Похоже, это было частью процесса восстановления организма: после того как кровь выходила, становилось даже легче.

Но сейчас...

— Кхе-кхе... В конце концов, я приехал с Дикой планеты и, возможно, не рассчитал силы. Может... все-таки стоит пригласить для брата личного врача? Обо мне не беспокойтесь.

Шэнь Янь, словно желая подлить масла в огонь, прижал кулак к губам и принялся демонстративно кашлять, изображая предельную слабость.

Все взгляды тут же устремились на бледный, тонкий профиль юноши и испачканные кровью губы. Люди на мгновение замерли, завороченные этим зрелищем.

В этот момент омега походил на розу, истерзанную проливным дождем — увядающую, но обладающую пугающей, захватывающей дух красотой.

Придя в себя, гости осознали главное: травма юноши выглядела куда серьезнее, чем у господина Шэнь Аня.

Многие не подали виду, но про себя подумали, что Шэнь Ань слишком уж изнежен: подумаешь, просто пожали руку, неужели это может быть так больно?

Совсем другое дело — господин Шэнь Янь, который вызывает такое сочувствие: такой слабый, а всё молча терпит. Должно быть, на Дикой планете ему пришлось несладко, иначе не дошел бы до такого состояния. Поистине жалко.

— ...Спасибо, брат, мне правда не нужно, — почувствовав на себе эти странные взгляды, Шэнь Ань поспешно закусил губу.

Его виски намокли от холодного пота, а голос дрожал от боли.

— Я... я воспользуюсь медицинским сканером, этого хватит.

Дворецкий, полный участия, прошептал:

— Но, молодой господин...

Шэнь Ань покачал головой.

Он знал характер Отца Шэня: на людях он дорожил репутацией, но в доме терпеть не мог капризов, истерик и лишнего шума.

Шэнь Ань украдкой взглянул на отца и, несмотря на то, что тот старался скрывать эмоции, в его глазах отчетливо читалось раздражение — раздражение именно им.

Он ни в коем случае не должен злить отца из-за такой ерунды.

И всё из-за Шэнь Яня!

Обида и боль в руке на мгновение исказили лицо Шэнь Аня, но уже в следующее мгновение хрупкий омега снова принял свой обычный послушный и милый вид, словно недавнее выражение злобы было лишь игрой воображения.

Шэнь Ань страдал целых десять минут, прежде чем боль утихла.

Он был весь в холодном поту, даже губы прокусил до крови и выглядел куда плачевнее, чем Шэнь Янь.

Увы, эту обиду пришлось проглотить молча.

После всей этой суматохи пришло время обеда.

Атмосфера за столом была неловкой. Шэнь Яню не о чем было с ними говорить — в этом не было никакой нужды.

Он ведь не был настоящим Шэнь Янем и не жаждал ни отцовской, ни материнской любви.

А семейство Шэнь, очевидно, не желало узнавать его ближе или, скорее, стыдилось его происхождения с Дикой планеты, мечтая навсегда вычеркнуть этот факт из памяти.

Помолчав, первым заговорил Отец Шэнь:

— Сяо Янь, я знаю, что за эти годы тебе пришлось нелегко. Мы, как родители, перед тобой в долгу, поэтому проси о чем хочешь. Но Шэнь Ань — ребенок, которого мы вырастили, он нам роднее родного, и я надеюсь, ты примешь его.

Это было сказано как пожелание, но на деле Шэнь Яню не оставили выбора.

— Отчет о генетике Сяо Аня я уже распорядился исправить, отныне вы оба — дети семьи Шэнь.

Сказав это, Отец Шэнь бросил резкий взгляд на омегу, сидящего на диване, и добавил с угрозой в голосе:

— Никто не должен проронить ни слова о происхождении Шэнь Аня!

Шэнь Янь в душе усмехнулся. Кто бы мог подумать, что семья Шэнь подготовилась так основательно.

Должно быть, они потратили немало сил, чтобы за столь короткий срок подделать генетический отчет.

Что ж, они втроем — настоящая семья.

А что касается настоящего Шэнь Яня, то он с самого начала был лишь чужаком, так и не сумевшим вписаться в этот дом до самой смерти.

Мать Шэнь улыбнулась и поддакнула:

— Сяо Ань очень талантлив, у него отличные успехи в Академии Омег. Шэнь Янь, ты только вернулся, поучись у брата хорошим манерам.

Услышав о том, что отчет изменен, Шэнь Ань почувствовал, как огромный камень свалился с его души.

Даже если он не родной, кто об этом узнает?

Омега вновь обрел уверенность.

— Брат Шэнь Янь, наверное, раньше не учил подобного? Мама, не волнуйся, я всему его научу.

Мать Шэнь с умилением погладила сына по волосам.

Шэнь Янь слегка улыбнулся:

— Хорошо.

*

На десятиметровом обеденном столе один за другим появлялись изысканные блюда.

Среди них были не только деликатесы, но и редкое лакомство из мяса звездного зверя — брюшная часть рыбы Белого Инея, самая нежная и жирная. Кусочек размером с ладонь стоил несколько тысяч звездных кредитов и, как говорили, был невероятно полезен для здоровья.

Шэнь Ань выпрямил спину, грациозно расстелил салфетку, принял у слуги ледяную воду для

полоскания рта, осторожно сплюнул и протер губы шелковой салфеткой.

Когда подали главное блюдо, он взял нож и принялся нарезать мясо на одинаковые кусочки. Звон приборов, точность движений — всё было безупречно.

Шэнь Ань с торжествующей и насмешливой улыбкой посмотрел на Шэнь Яня, но в ту же секунду его лицо изменилось, а улыбка стала натянутой.

Манеры собеседника оказались еще совершеннее его собственных — он выглядел как прирожденный аристократ.

Руки омеги в свете ламп казались белоснежными, длинные пальцы с четкими суставами напоминали произведение искусства, отчего даже дорогая посуда рядом с ним выглядела простовато.

Опустив ресницы, Шэнь Янь спокойно держал нож и вилку, разрезая мясо строго по волокнам. Каждый кусочек был отрезан с идеальной точностью, словно измерен линейкой, после чего он элегантно отправлял его в рот.

Весь процесс напоминал не трапезу, а исполнение утонченной музыки — легкие, ритмичные движения.

Это был эталон, достойный учебника.

По сравнению с этой естественной грацией Шэнь Ань почувствовал себя неуклюжим механизмом, который изо всех сил пытается изобразить правила этикета.

Раздался резкий звук: вилка в его руках упала на пол. Отец Шэнь нахмурился.

Лицо Матери Шэнь стало еще мрачнее. Только что она хвалила Шэнь Аня за идеальные манеры, и вдруг приемный сын, которым она так гордилась, опозорил ее.

Поскольку они сидели на почетных местах, то не сразу осознали, что произошло, но слуги вокруг всё видели и поспешили скрыть изумление.

Господин Шэнь Ань, воспитанный в духе аристократии, проиграл Шэнь Яню, приехавшему с Дикой планеты? Как это возможно?

Слуга принес новые приборы, но Шэнь Ань уже не мог продолжать обед — он был слишком скован.

Стоило ему коснуться приборов, как перед глазами вставал безупречный образ Шэнь Яня. Его недостижимое мастерство заставило Шэнь Аня побледнеть, запястья слегка дрожали, а в душе поселился страх.

Возможно, сам Шэнь Ань не осознавал, какую глубокую психологическую травму нанесло ему это событие.

Ведь в глазах окружающих именно он, а не Шэнь Янь, был аристократом.

Его манерам обучали с детства, и даже учителя были им довольны.

А кто такой Шэнь Янь?

Разве он, выходец с Дикой планеты, вообще знает, что такое этикет? Видел ли он хоть одного настоящего аристократа? Наверное, даже имперский алфавит не знает до конца!

Он должен был воспользоваться случаем, чтобы унижить этого «брата» низкого происхождения, показать всем пропасть между ними и заставить родителей любить его еще больше!

Но вышло ровно наоборот.

Его преимущество, которым он так гордился, было легко и небрежно растоптано, а вместе с ним вдребезги разбилось и его высокомерие.

Он проиграл какому-то мусору с Дикой планеты! Это было смешно и абсурдно.

Шэнь Ань чувствовал себя героем ночного кошмара. Пытаясь сдержать дрожь, он с силой вонзил нож в еду.

Жирное мясо превратилось в месиво, сок брызнул в стороны, нож с резким скрежетом ударился о тарелку, но Шэнь Ань этого не замечал.

Наконец, под странными взглядами родителей он пробормотал, что плохо себя чувствует, и ушел в свою комнату.

Уходя, он бросил на Шэнь Яня ледяной взгляд, но тот лишь продолжал спокойно есть, опустив длинные густые ресницы, не удостоив его даже взглядом.

Система в голове восторженно ликovala:

— Ого, ого! Хозяин, вы просто невероятны! Пощечина за пощечиной, цветочек скоро взорвется от злости, так держать!

Шэнь Янь поел довольно быстро и вскоре закончил.

Наблюдая, как слуги убирают посуду, он вспомнил, как сам когда-то учился этим манерам.

Ему было пять лет. Обладая выдающейся ментальной силой, он уже тогда был в центре внимания. Даже его день рождения отмечали с невероятным размахом, и, конечно, ему нужно было освоить базовый этикет.

Семья Шэнь наняла лучшего специалиста во всей Звездной Федерации. Из-за нехватки времени курс был рассчитан на месяц индивидуальных занятий.

Обычно дети в этом возрасте непоседливы, и им требуется от четырех до шести месяцев, чтобы выработать устойчивые привычки и закрепить их годами тренировок.

Месяц — очень сжатый срок, и учительница была готова к вечерним занятиям. Но она и представить не могла, что эти правила не действуют на Шэнь Яня.

Всего за неделю пятилетний ребенок овладел сложнейшим аристократическим этикетом, доводя каждое движение до совершенства, словно измеряя его линейкой.

Учительница, имевшая десятилетний опыт, была в шоке, назвав его гениальным монстром, и уже на второй неделе уволилась.

Впрочем, Шэнь Янь никогда не соблюдал эти скучные и жесткие правила без особой надобности.

Вспомнив недавнюю сцену, он вдруг счел свое поведение довольно ребяческим.

— На самом деле, не было нужды соревноваться с Шэнь Анем в этикете, это так скучно, — сказал он Системе.

— Зато, хозяин, разве вам не было приятно? — отозвалась Система.

Шэнь Янь задумался:

— ...Немного было.

Вспомнив недовольные лица родителей и позорное бегство Шэнь Аня, он действительно

ощутил легкое удовлетворение.

Система возбужденно добавила:

— Вот именно! Зачем думать о том, ребячество это или нет? Хочется — делайте, не берите в голову!

Шэнь Янь замер. Хочется — делай?

Кажется, кто-то когда-то говорил ему нечто подобное.

Но на его плечах лежала судьба всей Федерации, и выбор был крайне ограничен. Большую часть времени он жил так, как от него ожидали другие.

Шэнь Янь посмотрел на этот чужой мир, подперев изящный подбородок рукой:

— Может, и правда... попробовать жить иначе?

<http://bllate.org/book/22110/2301370>